

МАКСИМ ГОРЬКИЙ В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ.

Из воспоминаний Ф. Хитровского.

В Нижний-Новгород, на свою родину, Алексей Максимович приехал в 1896 году, к открытию выставки.

Его приезд в родной город совпал с началом известности писателя, о нем уже говорили в литературных сферах, отмечая яркость, свежесть и оригинальность нового дарования.

Приехал он из Самары, где работал в издании Коостерина «Самарская газета», с ним приехала его жена, Екатерина Павловна, также работавшая в этой газете в качестве корректорши.

В Нижнем Алексей Максимович поселился в большой квартире в доме Кириша на Ковалихинской площади. Дом этот и квартира сохранились до сего времени, сохранился и дом напротив, в котором местное охранное отделение сняло квартиру для своего агента. В угловой комнате этого дома был устроен очень удобный наблюдательный пункт за парадным крыльцом горьковской квартиры. Не пропускали ни конного, ни пешего, фиксировали каждое посещение. Вообще старая нижегородская охранка была чрезмерно внимательна к каждому шагу писателя.

В дни пребывания Алексея Максимовича в доме на Ковалихинской площади его квартира была «уплотнена» до отказа. С утра до вечера в ней пребывала самая разнообразная публика. За обеденный стол нередко, кроме Алексея Максимовича и его семьи, садилось 10-15 человек посторонних, при чем многих из обедавших писатель не знал даже по

фамилии. Самое широкое гостеприимство, сердечное отношение ко всем как со стороны самого хозяина, так равно и милейшей Екатерины Павловны, всегда имели место в этом доме.

М. ГОРЬКИЙ в 1892 г., когда был напечатан первый рассказ «Макар Чудра».

Усиленная «тяга» в горьковскую квартиру начиналась обыкновенно после 12 и продолжалась до самого вечера, работать приходилось только по утрам.

Очень часто после работы Алексей Максимович освежался легкой прогулкой в книжный магазин, где для него оставляли буквально все, что появлялось на книжном рынке, таково было условие с владелицей самого большого в Нижнем магазина. Затем он почти ежедневно заходил в редакцию местной газеты «Нижегородский листок», сотрудником которой состоял.

Гостеприимным и радушным Алексей Максимович остался на всю жизнь. Оказывать помощь в той или иной форме кому бы то ни было стало для него, повидимому, основным жизненным правилом, которое он вряд ли хоть раз нарушил, точно также Алексей Максимович не может не ответить на всякое посланное ему письмо, от кого бы оно ни исходило.

Редакция небольшой, но опрятной по тогдашнему времени, провинциальной газеты. Около 12 часов дня редакционная публика вся в сборе.

Большая комната с тысячей лампой над общим длинным столом, заваленным газетами и журналами. Здесь с помощью ножиц и клея творилась газетная опара в виде отделов: «внутреннее обозрение», «среди газет и журналов», «новости из-за границы», «смесь» и даже (да простят мне оставшиеся в живых товарищи) «нам пишут» с неизбежными двумя точками. Что делать...

Мы, редакционная молодежь, оживленно обмениваемся впечатлениями перед

уходом на дневную работу: в думу, в земство, на биржу. Усиленно курим, зубоскалим.

В конторе редакции, рядом, за дверью раздается веселый заразительный хохот любимицы всех—заведующей конторой, вслед за тем через приотворенную дверь слышится своеобразное, всем хорошо известное басистое гудение с неизбежным «оканьем».

— Алексей Максимович.

В комнате становится тише. В дверях почвывается фигура М. Горького.

Давно это было. Чуть ли не 30 лет прошло от этих встреч.

Алексей Максимович редко заходил один, чаще всего с ним бывал Петров (Скиталец).

— Тень Горького,—острили мы по адресу Степана.

— Карикатура на Алексея Максимовича.

Любимый костюм Алексея Максимовича в это время был: широкое длинное ватное пальто с хлястиком, летом пальто заменялось крылаткой. Костюм «тени» был такой же. Под крылаткой и тот и другой носили широкие черные блузы с кожанными поясами.

В руках у Алексея Максимовича почти всегда поклажа: ворох книг, рукописи, рисунки, часто предметы выработки кустарей местного края: особо расшитое полотенце, расписанный киноварью деревянный ковш.

— Посмотрите, господа, какая это великодушная штука,—«окал» Алексей Максимович, приветствуя публику и представляя для обозрения ту или другую случайно добытую им местную редкость.

Самый способ приветствования у него был какой-то особенный—душевный. Здороваться с ним было легко, несмотря

на то, что, здороваясь, он как бы пролизывал каждого взглядом, но грустный взгляд серых глаз не обещал плохого. В общении с ним каждый чувствовал какую-то особенную легкость.

Трудовой день в редакции заканчивался часов в 7—8 вечера. Все, что было за день, сдано в типографию. В корректорской, над первой корректурой, русая курчавая голова.

Платон Михайлович Керженцев—наш будущий полпред в Италии. Думала ли эта курчавая голова о таком будущем в то время, когда делал корректурную поправку в заметке о «подкинутом младенце».

В квартире заведующего, рядом с конторой, вечерний чай. За столом, кроме заведующего и его хохотуньи-жены, интимный свой кружок 3—4 человека. На широком мягком диване Алексей Максимович в своей любимой позе: колени сжаты обеими руками. Рассказывает. Тон рассказа одиозобразный, отчасти тягучий. Картины, описания яркие, живые. Одним словом, звуком, интонацией определяется целое положение. Сидим, как завороченные.

А гудкий басок «окает»:

— А было это на Кавказе. На Военно-Грузинской дороге.

Но стоило только случайно появиться в этом обществе мале знакомому человеку, не члену этой компании, и—Алексей Максимович резко менялся. Он смолкал или отвечал короткими односложными фразами, воодушевление отлетало, и перед новым посетителем сидел нахоленный скучный человек.

Алексей Максимович в тесном редакционном кружке любил чудить, но чудачества его были всегда душевны, лишены обиды.